

6. Карнышев А.Д. Экономическая психология и содержательный анализ инновации // Экономическая психология: актуальные исследования и инновационные тенденции. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 111-127.
7. Карнышев А.Д. Человек и собственность. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – 362 с.
8. Кордуэлл М. Психология. А – Я: Словарь-справочник. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
9. Крысько В.Г. Социальная психология: Словарь-справочник. – Минск: Харвест, 2001. – 688 с.
10. Немец Д.Н., Уочтлер Д. Креативное решение проблем в результате влияния меньшинства на большинство // Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб.: Питер, 2000. – С. 225-239.
11. Планета Земля: будущее. – СПб.: Амфора, 2008. – 319 с.
12. Позняков В.П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. – М.: Изд-во РАН, 2000. – 220 с.
13. Проблемы экономической психологии / под ред. А.Л. Журавлева, А.Б. Купрейченко. Т. 1. – М.: Изд-во РАН, 2004. – 620 с.
14. Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991. – 366 с.
15. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Классика экономической мысли: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 77-403.
16. Ушаков Д.В., А.Д. Карнышев Компетенции, креативность и предприимчивость как основа инновационных потенциалов личности и группы // Экономическая психология: актуальные исследования и инновационные тенденции: материалы X Юбилейной междунар. науч.-практ. конф. / ред. А.Д.Карнышев. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 378-392.
17. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 454-494.
18. Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. Ч. 1 и 2.

Карнышев Александр Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права. E-mail: psychology@isea.ru

Иванова Елена Александровна – кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора института психологии Восточно-Сибирской академии образования. E-mail: ea444@yandex.ru

Karnyshev Alexander Dmitrievich – doctor of psychology, professor, head of social and economic psychology department of Baikal State University of Economy and Law. E-mail: psychology@isea.ru

Ivanova Elena Aleksandrovna – candidate of psychology, associate professor, deputy director of Institute of psychology of East-Siberian Academy of Education. E-mail: ea444@yandex.ru

УДК 159.94

Р.Д. Санжаева

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ БУРЯТ

Данная статья посвящена рассмотрению аспектов этнопсихологии бурят. Раскрывается понятие «этнопсихокультура», ее когнитивная, аффективная и поведенческая сферы.

Ключевые слова: Бурятия, буряты, Монголия, этнос, этническая идентичность, этническое самосознание, традиционное общество, когнитивная, эмоциональная и поведенческая сферы, психокультура.

R.D. Sanzhaeva

ETHNOPSYCHOLOGY OF THE BURYATS

The article is devoted to consideration of the aspects of Buryats' ethnopsychology. A concept of «ethnopsychoculture», its cognitive, affective and behavior spheres are revealed.

Keywords: Buryatia, the Buryats, Mongolia, ethnos, ethnic identity, ethnic consciousness, a person of traditional society, cognitive, emotional, behavior strategies, psychological safety.

Этнопсихология является сегодня одним из важнейших направлений психологических исследований. За последние годы под нашим руководством были защищены кандидатские диссертации по самосознанию родителей в бурятских семьях (С.Ю. Мохова), психолингвистическим особенностям выражения эмоций у бурят (Е.Ю. Кабановская), проявлению тревожности у учащихся бурятской гимназии №29 (Б.А. Гунзунова), особенностям профессионального самоопределения студентов бурятского отделения педколледжа (И.И. Басхаева), феномену вторичной дезадаптации у подростков бурят в условиях СИЗО (И.Д. Бербаева), этноконфессиональной принадлежности личности и особенностях ее ценностных ориентаций (А.Р. Монсонова), социализации бурятских детей (С.Б. Дагбаева), особенностям творческой одаренности подростков лицея-интерната №1 Республики Бурятия (Б.В. Соктоева). В настоящее время завершена диссертация по этнокультурным особенностям развития

музыкальных способностей студентов (Б.В. Ламаева) и исследования продолжаются аспирантами Д.Р. Базаровой, которая изучает особенности образа мира бурятской молодежи, Ю.В. Кукшиновой – по этнопсихологическим особенностям «Образа-Я» современных женщин-менеджеров.

Большой вклад в развитие региональной этнопсихологии внесли доктор психологических наук, профессор А.Д. Карнышев, Т.Ц. Дугарова, Т.Ц. Тудупова и другие.

Этнопсихология связана в первую очередь с исторической психологией народа, с культурно-исторической обусловленностью психической деятельности этноса как большой социальной группы.

Этногенез бурят является сложным и длительным процессом, связанным с историей кочевых цивилизаций Центральной Азии, Прибайкалья и Забайкалья. Период с середины первого тысячелетия до VIII-IX вв. называют «тюркским», с IX по XVII в. – «монгольским». В преддверии празднования исторической даты – 350-летия присоединения территории обитания бурят к Российскому государству, когда начался качественно новый этап – «русский», интересно по-новому посмотреть на три периода этого этапа: с середины до конца XVII в. можно назвать периодом культурно-духовной «самообороны» и сопротивления; с XVIII до начала XIX в. – периодом «смирения» и адаптации; а с начала XIX века – периодом интеграции, ассимиляции и консолидации бурят в самостоятельный этнос.

Несмотря на большое количество исследований бурятских ученых, вопрос, вернее, проблема «Кто же мы, бурят-монголы?», оформленная выдающимся ученым Ш.Б.Чимитдоржиевым, остается пока без удовлетворительного ответа. В контексте последних работ и идей вызывает интерес концепта доктора исторических наук, профессора Б.Р.Зориктуева [4] о монгольском суперэтнотипе, который сложился уже ориентировочно в первой половине XIII века, тем более что еще в 1999 г. в «Этнопсихологическом словаре» под редакцией доктора психологических наук, профессора В.Г. Крысько дается определение: «Буряты – представители потомков монгольского суперэтнотипа, сформировавшегося в XII-XIV веках». Б.Р. Зориктуев выделяет основные признаки высшего таксона этнической иерархии – суперэтнотипа: существование и единство монгольского суперэтнотипа проявляется в наличии общего менталитета и идейно-нравственной и культурной целостности, в формировании которых определенную роль сыграла «Великая Яса» (свод законов) Чингис-хана. Ядро суперэтнической общности составила дарлекино-нирунская группа монголов Трехречья, консолидировавшаяся вокруг рода борджигин и общей идеи происхождения от имеющих небесное рождение легендарных и реальных предков Бортэ-Чино и Бодончара.

Первым термин «суперэтнос» ввел в науку Л.Н. Гумилев [3] в своей концепции пассионарного толчка. По его мнению, суперэтнос – это этническая система, состоящая из нескольких этносов. Его единство манифестируется в наличии общей ментальности, консолидирующей зачастую весьма разнообразие этносов (например, в состав русского суперэтнотипа вошли, по Гумилеву, сибирские этносы, возникшие вполне самостоятельно). Достаточно убедительно на большом историческом материале Б.Р. Зориктуев доказывает, что многоликую общность монголов можно квалифицировать как суперэтнос. С точки зрения психологической науки нас интересует содержание понятия «менталитет», на основе которого формируются, по мнению автора, общие черты у населения государства, его психологический склад.

Менталитет, как составная когнитивной сферы, в переводе с латинского – это ум, мышление, образ мысли, духовный склад. Понятие «менталитет» предложено представителями историко-психологического и культурно-антропологического направлений Л. Февром, М. Блоком, Л. Леви-Брюлем, К. Леви-Строссом как констатация наличия у субъектов национально-этнических и социокультурных общностей определенного общего «умственного инструмента», «психологического оснащения», которые способствуют своеобразному восприятию и осознанию природного и социального мира и самих себя.

Полиэтническое, межконфессиональное общение не могло не отразиться на системе наших нравственных и религиозных ценностей, которая в первую очередь обеспечила отсутствие этнической напряженности в регионе, диалог культур, но в то же время и ассимилятивные процессы у коренных народов. Поэтому не только интерес, но и долг наш – исследовать традиционное ядро в структуре культуры современных народов на берегах священного Байкала, ибо, как говорили наши мудрые предки: «Берегите землю – она вам досталась не от родителей, ее одолжили ваши дети».

Современный (актуальный) слой, обуславливающий мобильность культуры бурят, может быть способен продуцировать инновации, трансформироваться через систему ценностных ориентаций молодежи, чтобы в списках шедевров духовного наследия человечества ЮНЕСКО были не только

наш Байкал и морин-хур, под звуки которого исполнялось песнопение «Великая мелодия» со времен Чингис-хана, но и другие ценности бурятского этноса.

Традиционными ценностями являются элементы социального и культурного наследия, которые передаются из поколения в поколение и сохраняются в жизнедеятельности этноса в течение длительного времени. Это определенные общественные установления, нормы поведения, идеи, обычаи, обряды и т.д., которые пронизывают все сферы жизнедеятельности этноса и являются необходимым условием ее существования. Традиционные ценности позволяют нации сохранить ее неповторимое своеобразие, специфику, свой менталитет. Не являются исключением и традиционные ценности бурятского этноса – это язык, семья, религия, природа, образование, имя и другие, составляющие иерархическое целое.

Факторный анализ результатов наших исследований ценностей бурятского этноса по комплексу методик М. Рокича, Ш. Шварца, Р. Инглхардта [15] показал, что в группу факторов, характеризующих ценности бурят, вошли факторы «социальность», «уступчивость» и «самопринятие» (табл. 1). Первый фактор – «социальность» – включает переменные, выражающие в основном групповые ценности: социальная культура, поддержка традиций, конформизм, а также духовность и безопасность.

Таблица 1

Результаты факторного анализа показателей ценностных ориентаций бурят

Показатели	Факторы		
	1	2	3
Социальность	0,823		
Социальная культура	0,789		
Поддержка традиций	0,773		
Конформизм	0,758		
Духовность	0,714		
Безопасность	0,713		
Уступчивость		0,841	
Доверчивость		0,769	
Добросердечие		0,638	
Самоуважение		0,617	
Самопринятие			0,779
Гибкость поведения			0,760
Контактность			0,759
Компетентность во времени			0,626
Синергия			0,589
Познание			0,532

Второй фактор «уступчивость» включает доверчивость, добросердечие, самоуважение, которые отражают стремление к взаимопомощи, доброжелательность, но в то же время и пассивность.

Третий фактор «самопринятие» объединяет такие переменные, как гибкость поведения, контактность, компетентность во времени, синергия, познание, и отражает способность испытуемых принимать себя таким, какой он есть, понимать, что все в человеке взаимосвязано и каждое личностное качество имеет свою ценность.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что в основе ценностных предпочтений представителей бурятской культуры лежат ценности коллективизма и консерватизма. Данную особенность можно объяснить стремлением коренных народов сохранить свою самобытность, что проявляется, на наш взгляд, в этнопсихокультуре бурят.

Н.В. Абаев выделил фактор культуры – традицию, которую он определил как культуру психической деятельности или психическую культуру (психокультуру. – Р.С.): «В широком и самом общем смысле культура психической деятельности – это определенная степень психического развития личности в направлении, определяемом общими тенденциями развития всей культуры, тот уровень психического совершенствования человека как личности и субъекта деятельности, который достигнут в процессе освоения определенных ценностей, выработанных в данной культуре, приобретения характеристик культурного человека» [1, с. 3].

В понятийном плане нам представляется, что термин «психокультура» больше относится к «психологической культуре», чем к «психической культуре», ибо первое как наука определяет второе

как предмет своего содержания. В этом смысле «психокультура» – понятие более широкое, чем культура психической деятельности, а «этнопсихокультура» – шире, чем «психокультура».

Основными компонентами этнопсихокультуры мы выделяем:

1. Когнитивный компонент. Его образует комплекс представлений о природе психики, ее возможностях, резервах функционирования, этническое сознание и самосознание, этническая картина мира, образ мира.

2. Эмоционально-аффективный компонент – включает способы контроля и управления психическими актами, процессами, состояниями, приемами восстановления уровня функционирования психических процессов.

3. Поведенческий компонент – образуют ценностные ориентации совершенствования психики, принципы и методы коррекции и развития психических качеств, гармонизации психики, саморегуляции.

Во всех компонентах этнопсихокультуры личности необходимо выделить осознаваемую и неосознаваемую части.

В кросскультурном исследовании самосознания необходимо учитывать ряд методологических принципов:

- изучение этнокультурных групп, проживающих в одно и то же время;
- выявление транскультурного определения переменной, описывающей предмет исследования
- выделение психокультурных составляющих предмета исследования.

Самосознание личности, таким образом, не может рассматриваться вне системы ее отношений с миром, без учета социокультурного контекста [8]. В нашем исследовании это самосознание личности родителя в системе отношений с ребенком в двух этносах (русском и бурятском).

Психокультура отношений с ребенком есть результат осознанной работы родителя над самим собой. Осознание культурных нормативов отношений с ребенком, сложившихся поведенческих стереотипов родительского отношения, конфликтного смысла побуждают к работе родительское самосознание. В рамках выдвигаемых проблем нашей работы можно говорить о родительском самосознании как подструктуре самосознания внутри этнического самосознания человека, которое определяется психологической культурой (Н.В. Абаев, Е.В. Бондаревская, К.И. Воробьева, Л.С. Колмогорова, Л.В. Куликов, А.А. Леженина, Р.Д. Санжаева, В.В. Семикин, О.В. Пузикова и др.).

Самосознание родителя производно от отношения к ребенку. Ребенок предстает как самоочевидная значимость и целостность, как ценность сама по себе, воплощает в своей неповторимой форме все достоинства и красоту человеческого рода. Самосознание родителя, приобщенное к родовой сущности, развивается в отношении к себе через отношение к ребенку.

Таким образом, самосознание матери, отца может быть рассмотрено в контексте идей культурно-исторической психологии Л.С. Выготского.

- Результаты исследования самосознания под нашим руководством С. Ю. Моховой по методикам стандартизированных самоотчетов (методика PARI, опросник родительских отношений Варга-Столина, тест «Подростки о родителях» (ODOR) Л.И. Вассерман, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромицыной) показали, что когнитивная компонента самосознания является этнокультурной инвариантой. У родителей различных этносов когнитивный образ ребенка и их представления об отношении и обращении с ним не имеют специфических особенностей на конкретном историческом этапе.

Обнаружены значимые различия при сравнении результатов опроса родителей русских и бурят, или младших, или старших подростков. Характеристики конативной компоненты самосознания родителей имеют этнокультурные различия. Если в отношениях родителей русских и бурят к младшему подростку нет значимых различий, то в старшем подростковом возрасте характеристики системы отношений конативной компоненты самосознания родителей проявляются по-разному. Значимые различия в значениях по шкале «авторитарная гиперсоциализация» у родителей русских и бурят объясняются не только пониманием родителями необходимости протекции как в младшем, так и в старшем подростковом возрасте, но и особенностями культуры, мировоззрения и мироощущения представителей отдельного этноса.

Выраженность значений у родителей бурят по шкале «преодоление сопротивления, подавление воли» в системе отношений с младшим подростком мы связываем с конфуцианскими правилами воспитания.

Мы полагаем, что основные положения центральноазиатского холизма объясняют особенности характеристик, составляющих компоненты самосознания родителей бурят.

Психокультура бурят ориентирует родителей на установление таких отношений с ребенком, при которых он не теряет ощущения единства с миром, большой семьей. Высокие частоты появления больших значений по шкалам «симбиоз», «чрезмерная забота, установление отношений зависимости», «чрезмерное вмешательство в мир ребенка» (рис. 1), «гиперпротекция» (рис. 2) у родителей-бурят объясняются их образом мироустройства, осознанием единства человека с миром.

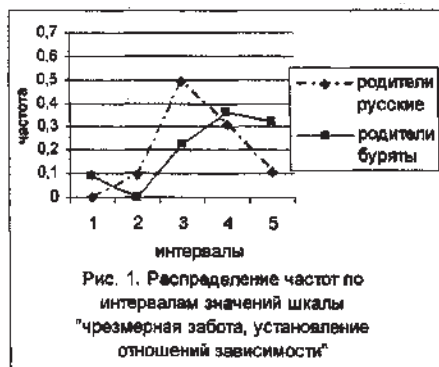

Рис. 1. Распределение частот по интервалам значений шкалы «чрезмерная забота, установление отношений зависимости»

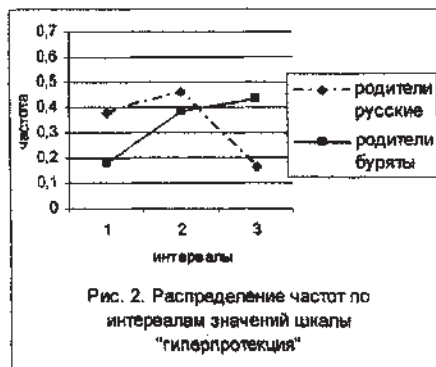

Рис. 2. Распределение частот по интервалам значений шкалы «гиперпротекция»

У детей-бурят воспитывается глубокая внутренняя убежденность в праве родителя руководить и наставлять, так как психокультура отношений устанавливает более прямой, непосредственный контакт, создающий неформальную основу для взаимоотношений. В то время как русские родители предоставляют старшему подростку относительную свободу выбора, уменьшают степень своего влияния на ребенка, бурятские родители качественно по-иному относятся к процессам суверенизации старшего подростка.

Почитание не только отца и матери, а вообще всех старших в роду определяет социальное положение каждого человека в структуре кровного родства у бурят, представляет собой психологический механизм, позволяющий сохранять устойчивость основных традиций психокультуры отношений.

Данные исследования показывают, что подавление агрессивности, являясь конативной составляющей самосознания родителей, имеет более высокие показатели у бурят по сравнению с уровнем выраженности признака у русских, т.е. в психокультуре бурятских родителей природа человеческой агрессивности хорошо осознается и подавляется.

Интересно, что критерии χ^2 не показывают значимых различий по значениям шкал опросников, отражающих эмоциональную компоненту самосознания бурятских и русских родителей. Например, как родители-буряты, так и русские заботятся о безопасности, опасаются обидеть ребенка. Это послужило основанием считать, что эмоциональная компонента самосознания родителей является культурной инвариантой.

Эмоциональный компонент этнопсихокультуры исследовался с помощью механизмов выражения эмоций, т.к. в этнокультурной среде они являлись предметом широкого научного анализа. Между тем их выявление и изучение обуславливает возможность исследования основных детерминант картины мира личности как носителя определенной этнопсихокультуры, и не только приобретает сегодня теоретическую значимость, но и позволяет прогнозировать многие вопросы межкультурной коммуникации.

В результате проведенного тестирования по методике эмоциональных категорий выражения К.Э. Изарда, качественной и количественной обработки эмпирических данных определена сущность идентификации эмоциональных категорий для носителей русской и бурятской культур. На основании результатов исследования выявлены закономерности, отражающие идентификацию базовых эмоциональных категорий по следующим параметрам: категория интерес – возбуждение: русские – 83,2%, буряты – 81,4%; категория удовольствие – радость: русские – 95,4%, буряты – 96,3%; категория удивление – изумление: русские – 90,1%, буряты – 88,4%; категория горе – страдание: русские – 73,5%, буряты – 71,9%; категория отвращение – омерзение: русские – 82,9%, буряты – 80,5%; категория гнев – ярость: русские – 87,6%, буряты – 85,9%; категория печаль – неудовольствие: русские – 72,8%, буряты – 70,6%; категория страх – ужас: русские – 75%, буряты – 77,2%. В исследовании выявлено, что 79,8% респондентов русской и бурятской этнических групп способны к адекватной идентификации базовых эмоций. Результаты исследования доказывают, что огромный эмоциональный опыт, отражая осмысление психической деятельности человека, обуславливает универсальность эмоций.

Опыт человечества в познании эмоций, как и какого-либо другого фрагмента мира, закреплён в языковых единицах, но эмотивные смыслы как производные языкового сознания отражают национальную специфику в значении эмотива.

С целью исследования специфики языкового сознания – базового психолингвистического механизма выражения эмоций – использована методика свободного ассоциативного эксперимента. На основе полученных данных контент-анализа создана классификация по параметрам, учитывающая семантическую связь предмета классификации: П-1 (реакции, обозначающие предметы и реалии, связанные со словом-стимулом); П-2 (реакции, обозначающие персоналии); П-3 (реакции, выражающие характеристики); П-4 (реакции, обозначающие действия); П-5 (реакции, связанные с религиозными атрибутами); П-6 (реакции, выражающие фразеологизмы). Выявлены процентные соотношения параметров для каждой этногруппы: П-1 – русские (68,7%), буряты (60,1%), П-2 – русские (39,9%), буряты (19,4%), П-3 – русские (18,6%), буряты (21,2%), П-4 – русские (14,2%), буряты (34,8%), П-5 – русские (0,8%), буряты (14,7%), П-6 – русские (7,3%), буряты (6,9%).

Рис.3. Распределение частотных параметров

В группе русских самыми частотными явились параметры П-1 – 68,7%, П-2 – 39,9%, в группе бурят: П-1 – 60,1%, П-4 – 34,8% (рис. 3).

В результате использования корреляционного анализа (который применялся отдельно для каждой этнической группы) выявлены следующие связи между параметрами. Существует положительная взаимосвязь между параметром П-1 (объединяющим реакции, связанные с религиозными атрибутами) и параметром П-5 (объединяющим реакции, обозначающие предметы и реалии, связанные со словом-стимулом), составившая в группе русских 0,427 при $p < 0,05$, в группе бурят – 0,638 при $p < 0,05$). Значительный коэффициент корреляции между вышеприведенными параметрами объясняется тем, что текстовые наследия, оставленные великими пророками Бога, зафиксированные в устной традиции этносов, а после появления письменности – в печатных источниках, интенсивно осмыслились и интерпретировались.

Между параметром П-4 (объединяющим реакции, выражающие действия) и параметром П-5 существует положительный коэффициент корреляции – $r = 0,626$, при $p < 0,01$ в группе русских; в группе бурят между параметрами П-1 и П-4 ($r = 0,463$, при $p < 0,05$) и параметрами П-1 и П-5 ($r = 0,638$, при $p < 0,05$).

Таблица 2

Корреляция параметров реакции на стимульное слово (буряты)

	П-1	П-2	П-3	П-4	П-5	П-6
П-1						
П-2	-0,11					
П-3	-0,28	-0,093				
П-4	0,463	-0,376	-0,365			
П-5	0,638	-0,247	-0,136	-0,239		
П-6	-0,012	0,028	0,258	-0,311	0,404	

Существует положительная взаимосвязь между параметрами П-5 и П-6 (объединяющим реакции, выраженные фразеологизмами), составившая в группе русских – $r = 0,891$, при $p < 0,01$, в группе бурят – $r = 0,404$, при $p < 0,05$. Данная корреляция определяет тесную взаимосвязь степени развитости веро-

ятностного мышления и религии. В русской культуре способы эмоционального реагирования в большинстве однородны, зафиксированы в языковых средствах, но проявляются в акцентировании одно-значных причинно-следственных связей, в тенденции активного изменения мира, базируются на возможностях логико-знакового мышления и способствуют его развитию. Большинство восточных культур ориентировано на приспособление человека к миру как неизменной данности. В этих культурах в основном используются возможности образного мышления, которые развиваются и способствуют возникновению многозначных причинно-следственных связей, построенных по принципу многоярусной семантики.

Анализ результатов исследования по тесту И.М. Юсупова в русской и бурятской этногруппах выявил следующие проявления уровня эмпатийных тенденций: респонденты группы русских показали более высокие результаты по II уровню (18%), отличаясь большей открытостью в межличностных отношениях, способностью к непосредственному общению, установлению контактов, эмоциональной отзывчивостью. В группе бурят этот показатель ниже (10%), что можно интерпретировать их сдержанностью в установлении межличностных контактов, интровертированностью и определенной коммуникативной ригидностью. Следует отметить, что большинство респондентов группы русских (78%) и группы бурят (82%) относятся к III (нормальному уровню эмпатийности) и характеризуются социальной пластичностью, коммуникативной компетентностью, эмоциональной отзывчивостью. Тенденция к сопереживанию свидетельствует о контактности в поведении бурят как в своей этнической группе, так и за ее пределами.

Конативно-поведенческий компонент этнопсихокультуры в буддийской культуре (индийской, китайской, японской, монгольской, бурятской) детерминирован тремя главными характеристиками существования личности – это деятельность, мышление и нравственность. Понятие «действие» («деятельность», «деяние») обозначается словом «карма», т.е. законом причинно-следственной связи (законом нормы): ни одно деяние в универсуме не проходит бесследно. Человек рассматривается как часть данного мира, подверженного действию этого универсального закона, сопоставимого с законом всемирного тяготения.

Действия понимаются широко – как любые физические, физиологические, биохимические и прочие действия, а также малейшие подсознательные процессы в глубинах человеческого «я». Бытие уже есть действие, вне его существование немислимо. По закону кармы человек – одновременно и творец и творимое, субъект и объект действия – объект действия своих же прошлых деяний и субъект творения следующего состояния. С трансцендентной точки зрения его жизнесуществование во всем многообразии деятельности (хозяйственной, познавательной, репродуктивной, игровой и пр.) – это непрерывающееся преобразование самого себя, постепенное продвижение к духовному совершенству, к личности.

Действия классифицируются по разным признакам:

- ритуальные, неритуальные;
- обязательные, необязательные (т.е. совершаемые ради блага деятеля);
- те, «что уже дали плоды», те, что «еще не дали плодов», те, «плоды которых проявят себя в последующих рождениях»;
- те, что прodelываются телом (ритуалы купания, слушания священных текстов и пр.), медитаций, чувствами;
- рассматриваются побуждения к действиям (мотивы. – *Р.С.*), последние квалифицируются соответственно трехгунной природе личности.

Учение о гунах представляет все объекты мира (а значит, и телесное естество человека), наделенные свойствами трех элементов – гун. Каждая гуна имеет свои характеристики: саттве присущи легкость, удовольствие, чистота и блеск; раджас определяет деятельное, побуждающее начало; тамас соотносится с пассивностью и противодействием саттве и раджасу, он препятствует движению, приводит к инертности, замешательству, лени. Все гуны существуют только вместе, причем каждая из них стремится подчинить себе оставшиеся две. Природа материального зависит от того, какая гуна доминирует в объекте.

Многообразное проявление сочетаний гун определяет разность характеров, нравов, темпераментов людей.

Идеал человека в традиционной восточной культуре – целостная личность, стремящаяся к совершенству во всех проявлениях, проверяющая «чистоту» намерения результатом действия, а средство действия – «чистотой» намерения. Универсальный принцип жизнедеятельности должен быть «сре-

динным»: «не вреди» – руководство к выбору варианта поведения и к деятельности, что в современной психологии определяется как механизм динамического равновесия.

Литература

1. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культура психической деятельности. – Новосибирск: Наука, 1983. – 184 с.
2. Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона / под ред. Р.Д. Санжаевой. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. – Т.1 – 426 с.; Т.2 – С. 36.
3. Гумилев Л.Н. Старобурятская живопись: Исторические сюжеты в иконографии Агинского дацана. – М., 1975. – 57 с.
4. Зориктуев Б.Р. Буряты. Этнографический очерк. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2000. – 47 с.
5. Кабановская Е.Ю. Психологические механизмы выражения эмоций в картине мира личности: дис. ... канд. психол. наук. – Чита, 2004. – 196 с.
6. Линховоин Л.Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. – Улан-Удэ: Бурят. кн.изд-во, 1972. – 100 с.
7. Линховоин Лх. Л. С песней по странам мира. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 164 с.
8. Миронова Т.Л. Самосознание профессионала. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2000. – 200 с.
9. Монсонова А.Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций личности: дис. ... канд. психол. наук. – Улан-Удэ, 2006. – 212 с.
10. Мохова С.Ю. Самосознание родителя в системе отношений с ребенком: дисс... канд. психол. наук. – Чита, 2004. – 196 с.
11. Санжаева Р.Д. Психологические механизмы готовности человека к деятельности. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1997. – 180 с.
12. Дагбаева С.Б., Санжаева Р.Д. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. – 135 с.

Санжаева Римма Дугаровна – доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ).

Sanzhaeva Rimma Dugarovna – doctor of psychology, professor of age and pedagogical psychology department of Buryat State University (Ulan-Ude).

УДК 316.347 (574)

Е.И. Симончик

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОЛЯКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению этнической идентичности поляков, проживающих в Республике Бурятия.

Ключевые слова: идентичность, этническая идентичность, поляки.

E.I. Simonchik

ETHNIC IDENTITY OF THE POLES LIVING IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article presents the results of research devoted to study of ethnic identity of Poles living in the Republic of Buryatia.

Keywords: identity, ethnic identity, the Poles.

«Включенность» человека в этничность – проблема психологическая. Наряду с причислением индивида к представителям своего этноса этническая идентичность включает, прежде всего, глубоко значимое переживание данной принадлежности, одной из важнейших составляющих в системе представлений личности о себе, поскольку идентичность является одним из важнейших механизмов личностного освоения социальной действительности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов.

Радикальные изменения в российском обществе во второй половине XX в. вызвали трансформацию ценностей в сфере межэтнических отношений. Значительный интерес в этом плане представляют этносы, проживающие в Сибирском федеральном округе. В Республике Бурятия основные исследования проходят в русле изучения двух основных этносов – бурят и русских. Однако не меньшего внимания, на наш взгляд, заслуживают и другие народы, проживающие в Республике Бурятия. Именно поэтому нам видится актуальной тема изучения особенностей этнической идентичности такой нации, как поляки. Они отличаются неповторимыми традициями, обычаями, культурой. Во-первых, это вероисповедание – католицизм (государственная религия Польши). Во-вторых, преданность родному языку. По данным переписи 2002 г., их численность в Республике Бурятия составляла 4,4% [1].